
АНДРЕЙ КОКОРЕВ, ВЛАДИМИР РУГА

ВОЙНА И МОСКВИЧИ

Очерки городского быта 1914—1917 гг.

ГЛАВА 1. ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА!

“Война Германии с Россией открылась действиями немецкого воздушного флота. Отряд дирижаблей самой последней системы получил приказ взорвать хранилища воздушных судов России.

Разбившись на единицы, отряд миновал границу в различных местах ночью, совершенно незаметно для русских. Скорость судов была изумительна... известие о появлении в небе России каких-то таинственных воздухоплателей было получено одновременно с появлением трёх дирижаблей отряда над Петербургом, ранним утром, когда в спокойно отдыхающий Петербург прилетела первая грозная телеграмма с западной границы.

Враг выбрал лучшие хранилища воздушного флота России и с высоты спокойно разбросал губительные средства.

Произошло несколько ужасных взрывов в самом сердце праздничного народа, и праздник сменился трауром.

Коварный враг торжествовал!”

Так описывает неизвестный автор начало войны России с Германией в своём фантастическом романе “Война! Европа в огне”, вышедшем в 1912 году. Но этот сочинитель на деле оказался никудышним пророком. События развивались иначе.

15 июня (28-го — по новому стилю) 1914 года в Сараево сербский националист Гаврило Принцип убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Спустя месяц после роковых револьверных выстрелов заговорили пушки. Австро-Венгрия, подстрекаемая Германией, объявила Сербии войну и подвергла бомбардировке Белград. Россия, заявив, что не может не придти на помощь братскому сербскому народу, объявила сначала частичную, а затем и всеобщую мобилизацию.

В ответ Германия 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года объявила войну России.

По свидетельствам многих очевидцев тех событий, для москвичей война явилась полной неожиданностью. Даже те, кто внимательно следил за сообщениями газет о развитии международного кризиса, в большинстве своем были уверены, что бряцание оружием так и не перерастет в боевые действия. А подавляющая часть обывателей вообще не интересовались политикой — в разгаре был дачно-курортный сезон.

АНДРЕЙ КОКОРЕВ — историк, член Союза писателей России и ВЛАДИМИР РУГА — доктор исторических наук, вице-президент компании «ТНК-ВР», в соавторстве написали книгу очерков из истории московского быта «Москва повседневная». Журнал публикует главы из этой книги

Но в Москве нашлось немало людей, у которых весть о приближающейся войне вызвала подлинный восторг. В ночь на 15 июля толпы патриотически настроенных москвичей заполнили центр города: Тверской бульвар напротив дома градоначальника, Страстную, Арбатскую и Скобелевскую площади. До трех часов ночи раздавались крики “ура!” и “Долой Австрию и Германию!”, а также пение гимна “Боже, царя храни!”. С возгласом “Да здравствуют Россия и Сербия!” демонстранты двинулись к австрийскому и германскому консульствам, но были рассеяны конными городовыми.

На следующий вечер демонстрация повторилась, но в более грандиозных масштабах. После окончания выступления оркестра на Тверском бульваре публика потребовала исполнения гимна и пропела его три раза подряд. Толпа в тысячу человек двинулась на Страстную площадь. Здесь, остановившись возле ресторана А. И. Козлова, демонстранты велели оркестру выйти на балкон, и уже никто не мог сосчитать, сколько раз прозвучало “Боже, царя храни!”, не говоря уже о криках “ура”. По утверждению газет, к полуночи на площади и Тверской улице было уже 12 тысяч человек. Естественно, движение было полностью перекрыто.

К этому времени центр событий сместился к памятнику Скобелеву, где нескончаемой чередой выступали ораторы. После призыва выразить признательность союзникам толпа двинулась к французскому консульству в Милютинский переулок. “По дороге, — сообщали “Московские ведомости”, — на балконы домов выходили обыватели и также вторили толпе и махали платками”.

В ту ночь москвичам, проживавшим в центре города, так и не пришлось сомкнуть глаз. Едва демонстранты разошлись, как была получена телеграмма об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии, и манифестации возобновились с новой силой.

С того дня патриотические манифестации становятся неотъемлемой частью повседневной жизни Москвы. Объявление мобилизации, введение запрета на продажу водки, известия о победах на фронтах, успехи союзников — любое мало-мальски значимое событие служило поводом для хождения толпой с размахиванием государственным флагами, криками “ура” и пением гимна. Восторженное состояние, охватившее обывателей в первые дни войны, поэт Сергей Городецкий отразил в таких строках:

*И дрогнул город величавый,
Толпа стремилась за толпой
Рекою вешней, буйной лавой, —
Зовя врагов своих на бой!
Восторг любви владел сердцами,
Светилась молния в глазах,
И флаг сверкал тремя цветами
На изумрудных небесах.*

Энтузиазм, бивший через край на московских улицах в первые дни войны, по мнению “Московского листка”, охватил и низы общества.

Свой роман “Час настал” посвятил событиям войны популярный в начале XX века писатель Марк Криницкий. В его описании первая патриотическая манифестация на улицах Москвы выглядела так:

“К вечеру, казалось, все население высыпало из домов. По Тверской двигались по направлению к Страстному молчаливые, прислушивающиеся к чему-то толпы.

Ждали выпуска экстренных телеграмм. Газетчики стояли понуро у своих витрин.

— Не вышло прибавление. Ничего не известно.

Они досадливо разводили руками.

И только на Тверском, подбадривая, гремела музыка.

Перед музыкальной эстрадой голова к голове стояла публика. Вдруг стали кричать:

— Гимн! Гимн!

Музыканты заиграли что-то другое.

— Гимн! Гимн!

Казалось, дрогнул и колыхнулся бульвар. Константин, который стоял в глубине толпы, тесно сжатый со всех сторон, вдруг почувствовал, что кричит вместе с другими. Еще мгновение, и он бы бросился вслед за другими к эстраде.

Но вот знакомый величавый аккорд прорезал воздух.

— Бо-же, ца-ря...

И тотчас же все задрожало вокруг. Дрожала грудь. Точно звенящие струны натягивались в гортани. Дрожали ноги, потому что казалось, дрожала сама земля.

Пение поплыло вдаль. Люди бежали вслед, толкаясь и не желая отстать. Оркестр гремел то ближе, то дальше.

Кто крестился, кто плакал. (...)

— Ура-а-а...”.

А вот у Д. А. Фурманова (в ту пору московского студента) от участия в патриотической демонстрации остались иные впечатления. По горячим следам он записал в дневнике:

“Был я в этой грандиозной манифестации в Москве 17 июля, в день объявления мобилизации. Скверное у меня осталось впечатление. Подъем духа у некоторых, может, и очень большой, чувство, может, искреннее, глубокое и неудержимое — но в большинстве-то что-то тут фальшивое, деланное. Видно, что многие идут из любви к шуму и толкотне, нравится эта бесконтрольная свобода: хоть на миг, да и я делаю что хочу — так и звучит в каждом слове... И скверно особенно то, что главари, эти закрикивалы, выглядят то дурачками, то нахалами. “Долой Австрию!” — крикнет какая-нибудь бесшабашная голова, и многоголосое “ура” покроет его призыв, а между тем — ни чувства, ни искреннего сочувствия.

Может, где-нибудь в глуши, на чистоте и глубоко чувствуют обиду славян, но эти наши манифестации — это просто обычное, любимое проявление своевольтва и чувства стадности. Вы посмотрите, как весело большинство идущих. Ведь вот музыка только что кончила гимн — какой-то дурак крикнул: “Пупсика!”. И что же: засмеялись... Ведь рады были остроте. Разве это чувство? А этот вот чудак, что повесил шляпу на палку и высоко мотает ею над головой, — что он чувствует? Ведь он хохочет своей забаве... И встретиться какое-нибудь зрелище по пути — непременно забудут свою манифестацию и прикуются к нему — во всём, во всём только жажда обыденной весёлости и свободного размаха. Вон навстречу, прорезая толпу, идёт чин; он уже знает заранее, что ему будут громкие приветствия, если он сделает под козырёк и улыбнётся... Он так и делает — и ему чуть не хлопают... Ведь задр, один задр. А все эти требования: “Шапки долой”, “Вывески долой”* — ведь это не по чувству, не по убеждению, а по хулиганству всё творится. Я слышал и видел, кто тут командует. Глупо, чрезвычайно глупо... Может, тут и есть высокий момент, в этой манифестации, но момент — и только. Дальше одна пошлость и ложь. Я оскорбился этим извращением такого высокого чувства, как любовь к славянам”.

Между тем профессиональные военные — кадровые офицеры восприняли весть о войне с подлинной радостью. Все они служили в полках, имевших славное боевое прошлое. Некоторые из этих воинских частей были созданы еще Петром Первым, другие — во время наполеоновских войн. А Сумской гусарский полк вообще вел свою летопись с 1696 года. Это были полки, стоявшие в Москве. И офицеры начала XX века не меньше своих героических предшественников жаждали снискать славу в сражениях.

Согласно расписанию, в 1914 году в Москве были расквартированы полки 1-й, 2-й и 3-й гренадерских дивизий. В Спасских казармах располагался Ростовский полк, в Покровских — Самогитский полк и два батальона Екатеринбургского. Еще два батальона екатеринославцев находились в кремлевских казармах. Носивший имя генералиссимуса Суворова Фанагорийский

---

* Речь идёт о призывах срывать вывески торговых заведений, владельцы которых носили немецкие фамилии.

полк стоял в Беляевских казармах на Немецкой улице. Незадолго до Первой мировой войны там, перед главным зданием, был установлен бюст великого полководца, изготовленный на средства, собранные офицерами-фанаторийцами. Для Киевского и Таврического полков родным домом служили Александровские казармы на Павловской улице. Один батальон Астраханского полка находился в Крутицких казармах, остальные три — в Лефортово. В Хамовниках стояли Перновский и Несвижский гренадерские полки.

Кавалерию в Москве представляли 1-й гусарский Сумской полк и 5-й Донской казачий полк. В Сокольниках был расположен гвардейский Саперный батальон, а гвардейская Артиллерийская бригада — в Николаевских казармах на Ходынском поле.

С наступлением тепла туда же, на Ходынку, полки московского гарнизона переходили из казарм. В летних лагерях проводилось практическое обучение войск. После объявления мобилизации жизнь на Ходынском поле, и без того не тихая, забурлила как кипящий котел. В описании очевидца это выглядело так:

“Бородачи второочередных дивизий заняли все лагерные постройки и палатки. Всюду войска. Роты маршируют, рассыпаются в цепь...

Стрельбы идут быстро. Пять патронов на 300 шагов в поясную мишень, лежа. Почти все попадают, но есть и неудачники — из нестроевых, дающие сплошные рикошеты в двадцати шагах. Над ними смеются товарищи:

— И куда тебе на войну идти, хитрованцу!”

Сравнение неумелого солдата с обитателем Хитрова рынка родилось не на пустом месте. Обитатели московского “дна” тоже были призваны на войну. В угаре всеобщего патриотического восторга журналист “Московского листка” объявил, что для босяков отправка на фронт является возрождением к новой жизни:

“Призыв запасных и ратников ополчения под ружье явился для темных низов настоящим благоvestом. Стыдливо потянулись по разным Свинынским и Подкопаевским переулкам фигуры бывших людей в город к полузабытым родственникам, старым товарищам. Это для них — воскресение из мертвых в полном смысле слова.

Пообмылись, почистились запасные. И в солдатской гимнастерке защитного цвета, в лихо сбитой набекрень бескозырной фуражке никак не узнаешь какого-нибудь вчерашнего “горлового” или “стрелка”, выпрашивающего у почтенной публики на “мерзавчика”. Примирение с прошлым, возврат в человеческое общество, в семью, — вот что значит мобилизация для представителей низов”.

По описаниям многих очевидцев, в дни мобилизации Москва превратилась в огромный военный лагерь. По улицам маршировали уже сформированные части. Строем или просто толпой двигались запасные. Они же набивались в трамваи, гроздьями висели на подножках, ехали даже на крышах вагонов. Площади были запружены военными обозами.

Военное министерство через местный орган — Московское городское по воинской повинности присутствие — вызывало граждан для исполнения воинской повинности. Об этом сообщалось в официальном органе городской администрации — газете “Ведомости московского градоначальничества”. Кроме того, приказ о призыве тиражировали в виде листовок, которые расклеивали по всему городу. В объявлении указывалось, каким категориям военнообязанных следует прибыть в распоряжение воинского начальника; при этом власти извещали, “что призыв будет произведен при общем жеребобетании по всем шести участкам Москвы”. Жеребьевка была необходима, поскольку запасных насчитывалось гораздо больше, чем имелось штатных мест в войсках.

Сначала москвичи объявленной призывной категории должны были собраться возле здания Городской думы на Воскресенской площади. Там чиновники военного ведомства проводили переключку, принимали заявления, вносили в списки окончательные коррективы. Отсрочки получали по имущественному положению, для окончания образования, по семейным обстоятельствам. После этого проводились сверка числа призывников в списках с количеством жеребьевых номеров и их закладка в барабаны.

Сама жеребьевка проходила на призывных участках. Вытянутый номер обозначал не только прощание с мирной жизнью, но и место в очереди на медицинский осмотр и окончательное распределение по воинским частям. Чтобы не создавать толчеи на призывных участках, устанавливали даты, по которым должны были явиться запасные определенных номеров. К тому моменту они должны были получить окончательный расчет по месту работы.

Вне номеров принимали на призывных участках так называемых “охотников” — то есть добровольцев. Имена некоторых из них были, как говорится, на слуху и тут же попадали на страницы газет. Так, добровольно вызвался идти на фронт оправданный судом присяжных В. В. Прасолов. В 1913 году в ресторане “Стрельна” он на глазах у публики убил из ревности жену. Скандальные подробности жизни “веселящейся Москвы”, всплывшие в ходе судебного процесса, надолго стали темой обывательских пересудов. Отправился в окопы и получивший помилование бывший офицер В. А. Гилевич — брат и соучастник знаменитого убийцы, чьи преступления были блистательно раскрыты “королем сыска” А. Ф. Кошко.

Кроме людей под мобилизацию попали транспортные средства: лошади, повозки, автомобили. Последние забирали у владельцев на основании подписанного царем 17 июля 1914 года “Положения о военно-автомобильной повинности во всех местностях Империи за исключением Великого Княжества Финляндского”. В первой статье этого документа говорилось: “С объявлением мобилизации вооруженных сил и во время войны снабжение их самодвижущимися экипажами, как-то: пассажирскими автомобилями, автобусами, грузовыми автомобилями с их прицепными повозками, свободными поездами (рутьерами), мотоциклами, производится обязательной поставкою таковых от населения”.

Автомобили, принадлежавшие австрийским и германским подданным, были просто конфискованы. Машины, оказавшиеся непригодными для военного ведомства, были проданы с аукциона. Например, князь В. П. Трубецкой приобрёл 13 таких машин и передал их для перевозки раненых.

Всего же, по данным журнала “Автомобилист”, в результате мобилизации армия получила примерно три тысячи “самоходов”. Правда, среди них преобладали “бенцы”, “опели” и “мерседесы”, пользовавшиеся до войны повышенным спросом — германские фирмы отличались от конкурентов бесперебойно налаженными поставками запасных частей. В условиях войны по вполне понятным причинам немецкие машины очень скоро оказались на приколе.

Впрочем, для российских дорог наиболее пригодным был гужевой транспорт. Лошадей для армейских обозов также набирали по мобилизации.

Один за другим полки гарнизона покидали Москву. Газетные репортажи с вокзалов были полны восторгов по поводу готовности русских солдат “постоять за Веру, Царя и Отечество”. Но более всех предстоящим сражениям радовались кадровые офицеры. По воспоминаниям современников, в тот период все разговоры в офицерской среде вертелись вокруг возможности отличиться в боях и получить заветную награду — Георгиевский крест. Приподнятость настроения первых дней войны хорошо заметна в рассказе Н. П. Мамонтова, отправившегося на фронт в составе Фанагорийского полка:

“Накануне выступления в поход, 26 июля, был отслужен напутственный молебен. Рано утром роты выстроились для приёмки знамени. Старое, простреленное пулями боевое знамя было торжественно пронесено перед фронтом под величавые звуки “встречи”. Многотысячная толпа родных и близких загрохотала все улицы, желая последний раз посмотреть на уходящих.

Полк тронулся к кадетскому плацу, где был назначен молебен. Звуки марша далеко разносились по ещё дремавшим улицам. Из окон отовсюду махали платками, кричали “ура” и широким крестом благословляли проходящие роты. (...)

...Толпа в несколько тысяч человек тесно окружила полк со всех сторон. Женщины плакали, с трудом сдерживая громкие рыдания. Коленопреклонённо молились о победе родного оружия тысячи солдат и офицеров, и тысячи штыков, казалось, вырастали из земли, искрясь на солнце.

Церемониальный марш с винтовками “на руку”. Грозно движутся “посуворовски” роты военного состава. Блестят пашки офицеров, стальной щетиной перед строем выровнялись штыки. Могучее “ура” солдат и народа сливается в общий гул, и кажется, что земля дрожит под мирный топот десятка тысяч ног...”.

“Наша мобилизация прошла образцово и быстро; она была заранее хорошо организована каким-то дельным начальником”, — отметил в дневнике москвич Н. М. Щапов. Это общее мнение признал и Николай II, наградив главноначальствующего над Москвой генерала А. А. Адрианова орденом Св. Владимира 2-й степени. Особенно подчёркивалось, что введение запрета на продажу горячительных напитков позволило провести набор в армию огромной массы людей без обычных пьяных эксцессов.

В опустевших московских казармах расположились девять *запасных* пехотных полков и две *запасные* артиллерийские бригады. В них готовились новобранцев пополнение для боевых частей. В то же время, как свидетельствуют опубликованные в газетах приказы о награждении офицеров, сражавшиеся на фронте полки продолжали числиться “по Москве”.

Но и кроме этого “московские” полки продолжали быть связаны с Первопрестольной тысячью нитями. Москва посылала на фронт изделия своей промышленности — оружие, обмундирование, снаряжение, а также целые эшелоны подарков. В течение четырех лет войны в московских госпиталях лечились от ран сотни тысяч раненых.

Прежняя, размеренная и беззаботная, жизнь “столичного города” Москвы с началом войны навсегда осталась в прошлом.

ГЛАВА 2. ОФИЦЕРЫ

С объявлением мобилизации самыми популярными в Москве людьми стали офицеры. Каждый из них, еще только собиравшийся отправиться на фронт, уже был окутан ореолом героизма. В мемуарах Н. Я. Серпинской приводится характерная деталь: “Дамы и барышни с завистью смотрели на моих и других кавалеров в военных френчах и не обращали на штатских никакого внимания”.

Стоит отметить, что и до войны офицеры войск Московского гарнизона не были обделены вниманием москвичей. Так, полковые праздники стояли в одном ряду с другими общественно значимыми событиями жизни города. 29 июня 1914 года торжества состоялись сразу в трех гренадерских полках: Перновском, Несвижском и Киевском, и горожане смогли полюбоваться грандиозным фейерверком.

А вот как встречали гостей на празднике в Сумском гусарском полку в конце XIX века:

“Праздник сумцев в то время посещала масса гостей. После молебна и церемониального марша, а также обычных тостов дамам подавались шампанское и фрукты, а все начальство и гости шли пить водку в помещении при манежном цейхгаузе, где были уставлены столы с закусками.

После этого дамы уезжали домой, а все остальные отправлялись в офицерское собрание, где обыкновенно сервировался завтрак человек на 120. Завтрак носил самый душевный характер. Все гости от старшего до младшего вели самую оживленную беседу, тосты лились один за другим, в них вспоминалось все пережитое полком. Ф. А. Корш, хороший знакомый офицеров, всегда бывал в этот день в полку. По окончании завтрака, так примерно часов около пяти, подавались кофе, ликеры, после чего многие уезжали, а оставались лишь самые близкие к полку лица и те гости, которые уже, так сказать, из года в год проводили день св. Георгия Победоносца с сумцами. В то же время посылали за тройками к Ечкину и после 7 часов ехали обыкновенно или в цирк, или в театр Корша. Ф. А. Корш в этот день обыкновенно ставил пьесу по желанию офицеров, и при входе офицеров в театр оркестр играл полковой марш.

По окончании спектакля садились на тройки и ехали в “Стрельну”, где уже по телефону был заказан ужин и традиционная солонина перед ужином. После закуски и малого антракта подавали ужин. После ужина звали обыкновенно цыган. Главный дирижер, цыган Федор Соколов, старался угодить офицерству. Хор пел самые лучшие цыганские песни. Солистка — лучшая тогда Ариша пела “Очи черные”, Маша — “Трын трава”, а Варя — “Быстро промчались вы, дни золотые мои”.

Вошел в историю Москвы обед, который дали городские власти офицерам гарнизона в честь открытия возле Ильинских ворот памятника-часовни героям Плевны. Этот памятник был возведен на средства, собранные офицерами и солдатами гренадерского корпуса, а затем передан Москве. В знак признательности и уважения городской голова Н. А. Алексеев устроил в Богородном собрании обед, на который было приглашено 1200 человек. Гвоздем меню была удивительная кулебяка со свежей зернистой икрой, а шампанское в буквальном смысле лилось рекой: лакеи получили строгое указание следить, чтобы у господ офицеров стаканы были все время наполнены.

Офицеры полков, стоявших в Москве, были постоянными участниками светской жизни. В любом общественном месте — в театре, ресторане, увеселительном саду — можно было встретить подтянутых кавалеров с золотыми погонами на плечах. И, конечно же, они были желанными гостями на всех балах.

Жизнь войск гарнизона находила постоянное отражение на страницах московских газет. Например, в приложении к “Московскому листку” публиковали фоторепортажи с военных учений. В 1903 году в этом издании были помещены портреты всех офицеров, служивших в штабе Московского военного округа.

Не обходила пресса молчанием и мелочи жизни. Среди прочей городской хроники можно было встретить сообщение о несостоявшейся дуэли между поручиком Ржевским и газетчиком Пановым, о выступлении перед солдатами знаменитой певицы Н. В. Плевицкой или о случаях продажи с воинских складов оружия кавказским мятежникам.

Поражение в русско-японской войне и подавление войсками революции 1905 года вызвали среди либералов новый взрыв негативного отношения к армии. Иногда дело доходило до эксцессов. Однажды в ресторане “Яр” некий врач К. потребовал отгородить его ширмой от офицера, сидевшего за соседним столиком, — мол, невозможно честному человеку сидеть рядом с “презренным душителем свободы”.

С другой стороны, неудачи на Дальнем Востоке заставили общество внимательнее посмотреть на состояние армии и перейти от огульной критики к конструктивному обсуждению проблем. В газетах появились “военные отделы”, где публиковались статьи на волнующие офицеров темы.

После объявления мобилизации количество офицеров в Москве заметно возросло. Это надели форму призванные из запаса служащие коммерческих фирм, учителя, врачи, адвокаты и т. п. Из “лиц свободных профессий” в первые дни войны встали в строй художники М. Ф. Ларионов, Н. Н. Богатов, П. П. Кончаловский, Н. Д. Милиоти, Н. С. Зайцев, В. К. Кельх, Г. Б. Якулов. Немного позже к ним присоединился их коллега С. Ю. Жуковский. Словом, все те, кто после окончания высшего учебного заведения предпочли отбывать воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся с последующей сдачей экзамена на офицерский чин. Прошедший такую “школу” философ Ф. А. Степун вспоминал:

“Пробыв короткое время в батареях, мы были переведены в учебную команду, из которой вышли после шестимесячного обучения совершенными неучами. Произведенные после лагерного сбора в прапорщики запаса, мы покидали наш мортирный дивизион глубоко штатскими и в военном отношении совершенно безграмотными людьми. Винить в этом наших преподавателей было бы несправедливо. Уж очень нелепа была вся давно заведенная система совместного с новобранцами военного образования вольноопределяющихся. Привыкшие к научным занятиям “вольноперы” в несколько дней с

легкостью одолевали ту несложную премудрость, которую фейерверкера должны были изо дня в день вдальбивать безграмотным парням, с трудом усваивавшим устройство мортирного замка и природу воинской дисциплины”.

Впрочем, в момент патриотического подъёма, вызванного объявлением войны, публике было не до таких деталей. Гораздо актуальнее было восхищаться молодежавшим видом офицеров, отправлявшихся бить “тевтонских варваров”, их готовностью сокрушить врага.

Положительным героем для газетчиков стал бывший футурист, участник многих скандалов художник М. Ф. Ларионов. Появление на улицах с раскрашенными лицами и другие эпатажные выходки — всё осталось в прошлом. Теперь у него другой антураж: фронт, артиллерийская батарея, бои с германцами, контузия. Его соратник по художественному авангарду Г. Б. Якулов тоже оказался не лыком шит — командовал ротой, был награждён Георгиевским крестом.

Чем не примеры для подражания? И молодёжь, вдохновлённая этими и многими другими примерами, неиссякаемым потоком шла в военные училища.

“Это не узость, тётя, это не квасной патриотизм, — писал родственнице с фронта прапорщик А. Н. Жиглинский, — ведь я пошёл не за правительство ставить на кон смерти жизнь свою, за маму, за тебя, за “малую” Родину, за всех родных и друзей, и я горд тем, что могу быть полезен вам и России, что не даром я родился и не даром мать моя отдала мою жизнь, — я и сам за её покой и счастье готов отдать свою жизнь”.

Москвичи, пожелавшие идти на фронт офицерами, могли получить хорошее военное образование в родном городе. В Москве располагалось два военных училища: Александровское, на Знаменке, и Алексеевское, в Лефортово. Оба училища, основанные в 60-х годах XIX века, к началу Первой мировой войны имели сложившиеся традиции и по праву гордились многими из своих выпускников.

Александровское училище окончили известные военачальники Д. С. Шувалов, А. Е. Эверт, В. Н. Клембовский, Н. Н. Духонин, Н. Н. Юденич, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский. В истории русской культуры заметный след оставили бывшие александровцы: писатель А. И. Куприн, библиограф С. Р. Минцлов, архитектор И. И. Рерберг.

На почётной мраморной доске в Алексеевском училище среди юнкеров, окончивших первыми по успехам, была золотом выбита фамилия Л. В. Собинова — звезды русского оперного искусства. Не меньше прославили училище бывшие воспитанники, сделавшие успешную военную карьеру: генералы М. В. Алексеев, В. А. Черемисов, М. Д. Бонч-Бруевич. Советскими маршалами стали Б. М. Шапошников и А. М. Василевский.

До Мировой войны по Положению, принятому в 1894 году, юнкерами-александровцами становились исключительно воспитанники кадетских корпусов, алексеевцами — “штатские”, то есть молодые люди с аттестатами гимназий, реальных училищ, духовных семинарий, а также выпускники высших учебных заведений. В результате между юнкерами московских училищ возникло устойчивое противостояние, и этот исторически сложившийся антагонизм не давал возникнуть даже видимости дружбы.

Александровцы, в подавляющем большинстве дворяне по происхождению, свысока поглядывали на разночинцев-алексеевцев, называя их “алексопупами”. Последние старались нанести “александронам” (ответное прозвище) удары по самолюбию победами в различных состязаниях. Например, алексеевцы постоянно первенствовали в соревнованиях по стрельбе и возвращались триумфаторами в лагерь на Ходынском поле под оркестр Александровского училища.

Для поступления в училища молодые люди представляли в канцелярию аттестат о полном среднем образовании и подписку о непринадлежности к какой-либо политической партии с обязательством впредь ни в одну не вступать. “Принимали нас по конкурсу аттестатов, — приводит П. А. Нечаев свидетельство юнкера довоенного времени, — и конкурсная отметка была 4 по пятибалльной системе. Со мной поступило 5 с высшим образованием, 42 с золотыми и серебряными медалями, много студентов, а мы, все осталь-

ные, с аттестатами зрелости”. Одно время в Александровском училище существовал прием на вакантные места через экзамены, но к началу XX века эта практика была полностью прекращена.

В Алексеевском училище на двести мест ежегодно приходилось по 700—800 желающих. При этом лица с высшим образованием поступали сразу на старший курс. Отказ получали юноши, не достигшие семнадцатилетнего возраста, и женатые.

Во время войны многие из ограничений были отменены. Так, образовательный ценз сначала был понижен до шести классов, затем до четырех. Брачные узы также перестали быть препятствием для овладения военными науками. Писатель Борис Зайцев, поступивший в Александровское училище в 1916 году в возрасте 35 лет, вспоминал, как его навещала жена. Во время Февральской революции, когда юнкеров никуда не выпускали, жена приходила к училищу, чтобы увидеть “бюллетень о здоровье” — товарищи Зайцева выставляли в окне лист бумаги, на котором было крупно написано: “Боря здоров”.

До войны курс в Алексеевском* училище состоял из четырех рот; в военное время их стало пять, затем восемь, по 150 юнкеров в каждой.

В автобиографическом романе “Юнкера” А. И. Куприн упоминал “упрошенные титулы” рот, бывшие в ходу среди александровцев. Первую называли “жеребцы Его Величества”**. Вторая носила прозвище “звери” или “извозчики”:

“В нее как будто специально поступали юноши крепко и широко сложенные, такие рыжие и с некоторой корявостью. Большинство носило усики, усы и даже усищи. Была молодежь с коротенькими бородами (времена были Александра Третьего).

Отличалась она серьезностью, малой способностью к шутке и какой-то (казалось Александрову) неподимостью. Но зато ее юнкера были отличными фронтовиками, на парадах и батальонных учениях держали шаг твердый и тяжелый, от которого сотрясалась земля”.

Судя по рассказу Б. К. Зайцева, в 1916 году первая и вторая роты сохранили свои прозвища.

С 1910 года в Александровское училище набирали по 600 юнкеров, которые были разделены на пять рот. В Первую мировую войну приём увеличили до 1600 человек.

После распределения по ротам свежее испечённые юнкера проходили через первый обряд приобщения к военной службе. Каждый, кто побывал новобранцем, его хорошо знает: стрижка “под машинку”, баня, получение обмундирования, расставание со штатской одеждой.

Пока юнкера младшего курса не овладевали всеми тонкостями поведения на улице и в общественных местах, их не выпускали за пределы училища. О том, как размазне-интеллигенту (“шляпе”, по училищной терминологии) трудно было овладеть строевыми премудростями, вспоминал Б. К. Зайцев:

“Мы, вновь прибывшие, называемся “фараонами”. Нас надо обломать, хоть сколько-нибудь привести в военный вид, и только тогда можно пустить в отпуск (мало ли опасностей на воле: а вдруг встретишь генерала, да не станешь вовремя во фронт, прозеваешь резвого капитана, только что вернувшегося с фронта? Сядешь в театре, не спросишь у старшего по чину офицера? Жизнь сложна). И вот, кто хочет в субботу идти в отпуск, должен выдерживать “экзамен чести”.

Это для “шляп” дело нелегкое. Казалось бы, не так уже хитро: бодро и весело подойти, остановиться, сделать под козырек, отрапортовать, повернуться и отойти... Но это целая наука! Элементы гимнастики (может быть, и балета) входят сюда. И немало надо попотеть, прорепетировать со своими же, прежде чем командир роты пропустит”.

---

* Приказом императора от 18.02.1906 года наследник престола цесаревич Алексей был назначен шефом Московского военного училища, которое с того момента стало именоваться Алексеевским.

** Традиционно шефами Александровского училища были русские цари, начиная с Александра II.

Вместе со “шляпой” среди юнкеров в ходу было слово “шпак”, означавшее всех обделенных судьбой, кто не принадлежал к военному сословию. Или, проще говоря, штатских. В памяти А. И. Куприна сохранилась старинная песня, где был такой куплет:

*Терпеть я штатских не могу
И называю их шпаками,
И даже бабушка моя
Их бьет по морде башмаками.*

Отрекаясь от позорного прошлого, юнкера Алексеевского училища накануне принятия присяги устраивали “похороны шпака”. Этот обряд не был предусмотрен ни одним уставом, но начальство делало вид, что ничего не ведет. Даже в военное время юнкера ускоренных выпусков продолжали поддерживать традицию. Один из них оставил описание “похорон шпака”, происходивших в 1915 году:

“Итак, в ночь накануне присяги, к десяти часам вечера, казалось, что лагерь, как обычно, крепко спит; на самом же деле не спал никто и, лежа под одеялом на своей койке, только ждал сигнала для начала парада. В канун присяги наш фельдфебель Шалль во время вечерней переключки, на которой, как бы случайно, отсутствовали наши офицеры, прочел приказ по куртке, в котором говорилось об обязательном присутствии “козорогов” на “похоронах шпака”.

Наконец сигнал был дан, и бараки закипели лихорадочной жизнью: юнкера быстро вскакивали, поспешно надевали заранее приготовленные и тщательно каждым продуманные костюмы и быстро строились перед бараками своих рот. Фантазии и изобретательности каждого юнкера предоставлялось придумать себе соответствующий событию костюм, причем приходилось, конечно, удовлетворяться тем, что было под рукой; некоторые воспользовались своим штатским платьем, в котором они прибыли в училище, другие обратились за помощью к нашим ротным каптенармусам, снабдившим их мундирами мирного времени и киверами. Большинство было в одних кальсонах, в мундирах и киверах, некоторые — в шляпах, кепках и штатских фуражках, в студенческих тужурках или пиджаках, одним словом — в различных комбинациях штатского с военным; были в бескозырках задом наперед, но все, без исключения, без штанов; винтовки несли на правом плече и прикладом вверх.

Говорились надгробные речи на тему о забвении всего штатского, стоял дикий вой, визг и плач. Затем состоялся церемониальный марш, которым командовал фельдфебель нашей роты Шалль, а принимал парад фельдфебель роты Его Высочества в мундире, кивере и без штанов, увешанный массой различных орденов и лент.

После церемониального марша роты были разведены по баракам, и буквально через две минуты казалось, что ничего решительно не происходило и лагерь давно уже спит обычным непробудным и крепким сном... Появился дежурный офицер, как будто бы в воду канувший во время “церемонии”, появились и другие офицеры и, найдя все в порядке, спокойно удалились.

Когда я был на старшем курсе, участие нас, старших, в этой церемонии было необязательным. Мы тогда находились на зимних квартирах, и “похороны шпака” были лишены той красоты и размаха, как в лагере, так как совершались в училищном манеже. Вся церемония происходила так же, как и у нас, только помню, что одна рота, кажется третья, была однообразно одета: совершенно голые, но в бескозырках, пояс с подсумками, в сапогах и с винтовками”.

Принятие присяги для юнкеров означало начало нового этапа в жизни — для них начиналась действительная военная служба. С того момента, если кто-то хотел покинуть училище, его могли отчислить только в войска, рядовым на правах вольноопределяющегося.

Присягали юнкера, выстроившись в каре, посредине которого находились аналой с Евангелием и крестом и училищное знамя. Священник произносил слова воинской клятвы, а юнкера хором их повторяли. Затем адью-

тант училища зачитывал статьи военных законов, карающих за нарушение присяги, и статуты награждения за проявленную в бою храбрость.

После принятия присяги юнкера наконец-то получали право выходить в установленные дни (по средам и в выходные) в город. В своих мемуарах А. М. Василевский писал: “Целый кодекс правил существовал для тех, кто был в увольнении. Запрещалось посещать платные места гулянья, клубы, трактиры, рестораны, народные столовые, бильярдные, бега, торговые ряды на Красной площади и т. д. В театрах и на концертах нам не разрешалось сидеть ближе седьмого ряда партера и ниже второго яруса лож”.

К коренным традициям обоих московских военных училищ следует отнести царивший в них дух взаимного уважения между юнкерами и преподавателями. А. И. Куприн упоминал о незыблемом принципе, которому следовали александровцы: если офицер-воспитатель напрямую спрашивал, кто автор той или иной шалости, виновник немедленно откликнулся.

Наказания к нарушителям применялись строго в рамках воинских уставов: замечание, выговор, наряд вне очереди, под винтовку на час (неподвижное стояние в полной солдатской выкладке — возможность подумать над своим поведением), арест в карцере. Остается загадкой, на основании каких исторических источников авторы нашумевшего фильма “Сибирский цирюльник” изобразили такую нелепую экзекуцию, как стояние на одной ноге. По-видимому, та же фантазия, не обремененная знаниями исторических реалий, породила сцену натирания паркета провинившимися юнкерами. “Наряд вне очереди” отрабатывали дополнительным дежурством, но никак не на хозяйственных работах — для их выполнения существовал специальный штат солдат-служителей. Именно они под присмотром дневальных из числа юнкеров натирали полы*.

В 1916 году, когда военное командование произвело глобальную ротацию офицерских кадров, в Алексеевском училище штатные преподаватели были заменены офицерами-фронтовиками. По мнению П. А. Нечаева, это привело к ослаблению училищного духа: “Офицеры с фронта обладали боевым опытом, но не могли быстро схватить качества, необходимые офицеру-воспитателю. Особенно это проявилось в их неумении держать себя с юнкерами. То, что было возможно с солдатами, было совершенно недопустимо в отношении юнкеров. Воспитателем быть не всякому дано и нужно для этого иметь много особых качеств”.

Отношения между юнкерами старших и младших курсов также строились на основе взаимного уважения. По свидетельству А. И. Куприна, москвичи с незапамятных времен отказались от “цуканья” — рабской зависимости юнкеров младшего курса от старших (“господ обер-офицеров”). “Цук”, принимавший формы изощренных издевательств, особо процветал в Петербурге, в элитном Николаевском кавалерийском училище.

“Нам колбасники, немецкие студенты, не пример и гвардейская кавалерия не указ, — реконструировал А. И. Куприн историческую резолюцию, положившую конец “цуканью”. — Пусть кавалерийские юнкера и гвардейские “корнеты” ездят верхом на своих зверях и будят их среди ночи дурацкими вопросами. Мы имеем честь служить в славном Александровском училище, первом военном училище в мире, и мы не хотим марасть его прекрасную репутацию ни шутовским балаганом, ни идиотской травлей младших товарищей”.

В дополнение следующим поколениям юнкеров был дан такой наказ:

“Но надо же позаботиться и о жалких фараонах. Все мы были робкими новичками в училище и знаем, как тяжелы первые дни и как неуверенны первые шаги в суровой дисциплине. Это все равно что учиться кататься на коньках или ходить на ходулях. И потому пускай каждый второкурсник внимательно следит за тем фараоном своей роты, с которым он всего год назад ел одну и ту же корпусную кашу. Остереги его вовремя, но вовремя и под-

---

* Подробный разбор всей “развесистой клюквы” в фильме “из русской жизни” квалифицированно сделан А. Кибовским в книге “Сибирский цирюльник. Правда и вымысел киноэпопей” (М., 2002).

трани крепко. От веков в великой русской армии новобранцу был первым учителем, и помощником, и заступником его дядька-земляк”.

Училищная жизнь юнкеров была четко расписана, но это не вызывало чувства утраты свободы. В мемуарах “Путь к правде” П. П. Шостаковский писал, что после кадетского корпуса он, наоборот, ощутил себя вольной птицей: “Корпусной режим казался мне тюремным, и все шесть лет я чувствовал себя узником. В училище мне стало вольготно, словно меня выпустили из клетки: гуляй в свободные часы по всему зданию, смотри в окно сколько хочешь, читай что хочешь, занимайся или бей баклуши, — одним словом не жизнь, а масленица”.

Возможно, юнкера Алексеевского училища, попавшие после гражданской вольницы в жесткие рамки военной дисциплины, считали по-другому, но все подчинялись новому укладу жизни безоговорочно. Распорядок дня, по описанию Б. М. Шапошникова, был следующий: “...подъем в 6.30 утра под барабан или по специальному рожку, до 7 часов утра туалет и заправка постелей, в 7.30 взводы выстраивались на утренний осмотр, производимый взводными командирами, после чего по полуротно шли в столовую на утренний чай (давалась кружка чаю, хороший кусок белого хлеба и два куска сахара).

После утреннего чая юнкера самостоятельно расходились по классам. Занятия начинались в 8.30 и продолжались до 2 часов дня с большой переменной в 11 часов, во время которой давался горячий завтрак — обычно котлета с черным хлебом, кружка чаю и два куса сахару.

С 2 часов до 4 проводились строевые занятия в манеже или в примыкающем к училищу небольшом дворе. В 4 часа роты возвращались в свои помещения, снимали скатки, патронташи, ставили винтовки в пирамиды, мыли руки и строем шли на обед. Обед состоял из тарелки щей с мясом, второго блюда — котлеты или форшмака и т. д.; по праздничным дням и один раз среди недели давалось сладкое. Каждая рота имела свои столы, и каждый юнкер сидел на своем постоянном месте. Португей-юнкера занимали концы столов. Они были раздатчиками пищи.

Обед кончался к 5 часам дня, после чего разрешалось полежать в течение полутора часов. С 18.30 до 20.00 каждый самостоятельно занимался в классе подготовкой уроков на следующий день. В 8 часов вечера роты выстраивались и шли на вечерний чай (кружка чая с белым хлебом), а затем по полуротно в своих помещениях выстраивались на вечернюю переключку и молитву. Зачитывались приказы, отдавались распоряжения, объявлялся наряд на следующий день. С 21.00 до 22.30 юнкера находились в своих помещениях или в читальне. В это время разрешалось заниматься и в классах подготовкой уроков. Без четверти одиннадцать все ложились спать”.

Учились юнкера, в подавляющем своем большинстве, охотно. П. П. Шостаковский писал: “Александровское военное училище в Москве пользовалось репутацией либерального. Считалось, что офицеры из него выходили образованные и... “свободомыслящие”. Неизвестно, как и когда установилась такая репутация, но сложилась она до того прочно, что из всех российских кадетских корпусов в училище съезжались кадеты, предпочитавшие учение тупой военной муштре”.

Высокий уровень преподавания в Алексеевском училище отмечал Б. М. Шапошников. В своих воспоминаниях он приводил и такой факт: одно время в их училище стали принимать выпускников кадетских корпусов, поскольку в Александровском не хватало мест. Но очень скоро военное министерство отказалось от такой практики. Выяснилось, что, в отличие от “штатских”, у кадетов школьная подготовка была гораздо ниже, поэтому у них наблюдалось непреодолимое отставание в учёбе.

Метод занятий в военных училищах был лекционный. Усвоение материала преподаватели проверяли на так называемых “репетициях” — классных часах, полностью посвященных опросу. Оценки ставили по 12-балльной системе. Каждое полугодие юнкера сдавали зачеты, а по итогам года — экзамены. На младшем курсе неуспевающих отчисляли в войска вольноопределяющимися, на старшем — выпускали в чине унтер-офицера.

После выпускных экзаменов юнкера получали на руки два документа. Один был присланным в училище перечнем вакансий в воинских частях, другой — списком выпускников, расставленных в зависимости от успехов в учебе: сначала фельдфебели и портупей-юнкеры, затем просто отличники, далее — по нисходящей. Чем меньше средний балл, тем ближе к концу списка. Вот в этой очередности и выбирали юнкера будущее место службы.

“Хорошо было выбрать полк, стоящий в губернском городе или по крайней мере в большом и богатом уездном, где хорошее общество, красивые женщины, знакомства, балы, охота и мало ли чего еще из земных благ.

Пленяла воображение и относительная близость к одной из столиц; особенно москвичей удручала мысль расстаться ненадолго с великим княжеством Московским, с его семью холмами, с сорока сороками церквей, с Кремлем и Москва-рекой. Со всем крепко устоявшимся свободным, милым и густым московским бытом.

Но такие вакансии бывали редкостью”, — вспоминал А. И. Куприн.

Во время войны в разбор вакансий добавился элемент неопределенности. Выходившие в пехоту могли выбирать лишь запасной батальон, откуда вместе с пополнением уходили на фронт, не зная заранее, в какой полк они попадут. Немного легче было отличникам, которые расхватывали назначения в специальные войска, и тем, кого ожидали именные вакансии.

Как в мирное время, так и в военное самым радостным моментом жизни для юнкеров было производство в офицеры.

До войны александровцы и алексеевцы встречали весть об этом, находясь в летних лагерях близ Ходынского поля. Почтальона, доставлявшего поздравительную царскую телеграмму, традиционно одаривали деньгами. По другой неизменно соблюдаемой традиции горнист вместо обычного трубил “офицерский” сбор, за что так же неизменно шел под арест.

Выслушав текст телеграммы и прокричав “ура”, юнкера бежали переодеваться в офицерскую форму. С этого момента они из нижних чинов превращались в подпоручиков. Быстро разбившись на компании, молодые офицеры отправлялись в московские рестораны праздновать первые звездочки на погонах. Отмечать это радостное событие (опять же по традиции) разрешалось три дня.

У юнкеров ускоренного курса производство происходило иначе, но не менее волнующе. Вот как оно сохранилось в памяти выпускника Алексеевского училища:

“С утра мы все, юнкера старшего курса, одеты во все свое, офицерское: защитного сукна гимнастерки и шаровары, только с юнкерскими погонами. Все казенное обмундирование сдали каптенармусу.

Наконец, приказ строиться, и нас в последний раз строем юнкеров ведут на молебен в церковь. Краткая церковная служба, нас снова выстраивают перед церковью, появляется начальник училища генерал Хамин с Высочайшей телеграммой и поздравляет нас с производством в прапорщики. Радостное, несмолкаемое “ура!” служит ему ответом, подается команда, и мы, уже не строем, перегоняя друг друга, весело мчимся в свои роты, чтобы как можно скорее переменить погоны и одеть шапку.

Итак, мы — офицеры Российской Императорской армии. Как раз 12 часов дня, час завтрака, нам любезно предлагают позавтракать последний раз вместе с юнкерами. Охотно принимаем приглашение, чинно спускаемся в манеж и занимаем свои места. Вот тут-то только начинаешь чувствовать, как дороги нам стены нашей славной школы и как грустно с ней расставаться.

После завтрака следует процедура выдачи ротными командирами причитающихся нам денег, получения предписаний и послужных списков, прощания с нашими курсовыми офицерами, и, наконец, мы свободны и покидаем училище.

По традиции училища первому солдату, который отдаст честь вновь испеченному офицеру нашего училища вне стен его, полагалось давать деньги, И вот, выйдя из училища (нас было человек пять), мы тут же на мосту через Яузу встретили первого солдата, лихо нам козырнувшего. Подозвав его к себе, мы начали давать ему деньги, конечно, к неописуемому его удивлению. Получив что-то около тридцати рублей, по тем временам сумму нема-

лую, совершенно не зная за что, он, вероятно, был весьма поражен и долго оглядывался нам вслед”.

Прапорщики военного времени выходили из училищ с перспективой через восемь месяцев службы быть произведенными в чин подпоручика. Для отличившихся в бою в качестве награды это могло произойти в любое время.

Молодые офицеры разъезжались по местам назначения, и многим из них уже не доводилось встречать бывших однокашников. Правда, у александровцев существовала возможность получить сведения о друзьях или оставить им весточку о себе. Сделать это они могли в кофейне братьев Савостьяновых на Арбатской площади (в доме № 2 по дореволюционной нумерации).

Заведение, располагавшееся неподалеку от Александровского училища, пользовалось среди юнкеров большой популярностью. А выпускникам училища оно служило своеобразным клубом и информационным центром. Бывая в Москве, офицеры обязательно заходили в савостьяновскую кофейню, чтобы на вывешенных там плакатах чиркнуть друзьям пару строк и отыскать среди подобных записей послание от друзей. Братья Савостьяновы говорили, что сохраняют все эти материалы для будущего музея Великой войны.

Кроме военных училищ герои-фронтовики из числа нижних чинов получали подготовку для сдачи офицерского экзамена в специальных школах прапорщиков. В Москве таких школ было шесть.

Остается сказать, что в сентябре 1914 года специальным приказом императора было введено производство в офицеры прямо на театре военных действий. Командующие фронтами и армий получили право без экзаменов производить в прапорщики солдат и унтер-офицеров, показавших в боях храбрость и имевших соответствующий образовательный ценз. Царь затем лишь утверждал списки Высочайшим приказом.

Встречу на улицах Москвы с таким офицером, получившим погоны со звездочкой через два месяца пребывания на фронте, описал журналист газеты “Утро России”:

“На него обращают внимание все и всюду, где бы он ни появился. Слишком разительный контраст — эта папаха, сурово нависшая над бровями, и эти глаза, такие безмятежные, юные, с золотыми огоньками.

Конечно, Георгиевский крест — и офицерское снаряжение. Кожаные ремни на детских плечах. Да сколько же ему лет, наконец? Это — самый юный офицер в российской армии. (...)

Большая диковинка — этот юноша в офицерской форме, и за ним следуют толпы зевак, а он двигается в толпе спокойно и не спеша, и ни один мускул у него в лице не дрогнет”.

История пятнадцатилетнего прапорщика оказалась проста. Отправился на фронт добровольцем. Проводя разведку, вместе с пятью товарищами захватил австрийскую батарею, за что был награжден Георгиевским крестом и чином старшего унтер-офицера. А в одном из боев, когда выбыли из строя все офицеры, поднял роту в атаку и захватил вражеские окопы. За этот подвиг он и получил офицерские погоны.

Без экзаменов могли получить офицерский чин полные георгиевские кавалеры* — так стал прапорщиком в феврале 1917 года Д. П. Оськин, находившийся на фронте с самого начала войны. Столь длительный срок объяснялся, скорее всего, невысоким уровнем образования героя.

А вот унтер-офицер И. И. Чернецов в январе 1915 года в письме к сестре сообщал, что ему достаточно сдать документы в полковую канцелярию, чтобы стать прапорщиком, и что в полку “уже многих произвели”. Вот только выдавший виды фронтовик не очень-то спешил надеть офицерские погоны: “...дело в том, что все-таки есть разница (которая очень видна в биннокль) между прапорщиком и солдатом в общем строю. Здесь все офицеры ходят с шашками, а не с ружьями, а немцы специально бьют сперва офицеров. Я теперь и так команду полуротой (второй) — 100 человек, и по про-

* Награждение солдатским Знаком отличия — военным орденом Св. Георгия (в просторечии “Георгием” или “Егорием”) и Георгиевской медалью производилось по нарастающей: от четвертой степени к первой. Обладателя полного комплекта обеих наград называли “полным георгиевским кавалером”.

изводстве разницы в этом не будет. Разница в получении жалования: я получаю теперь 38 р. 75 к. и еще 1 р. 50 к., а прапорщики, наверное, вдвое (хорошо не знаю), но за жалованием, конечно, в теперешнее время гнаться нечего, не такое время”.

Ускоренное производство в офицеры всех, кого только возможно, объяснялось огромными потерями, особенно в пехоте. В воспоминаниях Д. П. Оськина упоминается случай, когда из шести новоиспеченных прапорщиков, прибывших с пополнением, после первого же боя в строю остался лишь один. Остальные были либо убиты, либо ранены.

Об обыденности таких случаев свидетельствует приведенный Д. П. Оськиным разговор фронтовиков, состоявшийся осенью 1916 года: “Прапорщиков гонят пачками, и так же пачками они возвращаются обратно ранеными, контуженными, больными. Мало того, что они совершенно не обучены, но и абсолютно не развиты. Унтер-офицеры, прошедшие учебную команду или получившие это звание за отличия на фронте, в пять раз стоят выше этих прапорщиков”.

Уже летом 1915 года в прессе стали проскальзывать утверждения, что дух войск изменился. Так, в газете “Утро России” в качестве примера был приведен случай, произошедший во время наступления немцев. Запаниковав под натиском противника, солдаты принялись горячо обсуждать: то ли сдаваться в плен, то ли бежать в тыл. Молоденький прапорщик, единственный в роте из оставшихся в строю офицеров, вместо того, чтобы вдохновить подчиненных на бой, упал на дно траншеи и зарыдал. Тогда солдаты из жалости (!) к юноше решили остаться и держать позицию.

Впрочем, удивляться здесь нечему. По подсчетам исследователей, в 1917 году в русской армии оставалось всего 4 % офицеров, получивших военное образование до начала Первой мировой войны. Вместо погибших и искалеченных кадровых командиров в войска сплошным потоком шли “офицеры военного времени”. Кто-то из них, вроде прапорщика Н. В. Крыленко, со всей страстью сторонника коммунистической доктрины старались “до основания” разрушить Российское государство. Другим пришлось пережить трагедию развала армии и Гражданской войны.

Первыми залпами этой войны стали бои в Москве в октябре-ноябре 1917 года, когда по одну сторону баррикад оказались офицеры и юнкера, а по другую — “революционные массы”.

ГЛАВА 3. ТОРГОВАЯ

“Москва, по-видимому, не собирается скоро начать голодать”, — утверждал автор заметки “Избыток мяса”, опубликованной 12 августа 1914 года в газете “Раннее утро”. Один, но красноречивый факт подкреплял этот неуклюже сформулированный тезис: из 5685 быков, доставленных на площадку скотопроегонного рынка, в продажу поступило менее половины — из-за падения цен на мясо.

На той же странице газета сообщала о явлении другого рода. В корреспонденции “Протест против мародеров” описывалось происшествие на Смоленском рынке. Покупатели, возмущенные внезапным увеличением в 2–3 раза цен “на огурцы и другие продукты первой необходимости”, едва не побили торговцев. Разъяренные москвичи, выкрикивавшие: “Кровопийцы!”, “Креста на вас нет!”, “Последнюю шкуру готовы содрать!” и т. п., окружили спекулянтов. Последним не оставалось ничего иного, как забираться на возы и звать на помощь. Только вмешательство полиции предотвратило погром.

Что же происходило в торговой жизни Москвы, если в один день случилось два столь разных по характеру события? Неужели война так скоро повлияла на состояние сельского хозяйства, что уже на ее первом месяце в глубокую тылу цены на продукты начали резко повышаться? И что, наконец, делали власти, чтобы стабилизировать положение? Попробуем во всем разобраться по порядку.

Начнем с констатации того факта: из-за войны все зерно урожая 1914 года, а с ним и другая сельскохозяйственная продукция остались в России. В русском обществе никто не мог даже предположить, что страна когда-либо начнет испытывать недостаток в продовольствии. Напротив, все политики и публицисты в один голос предсказывали неминуемое и скорое наступление голода в Германии.

Другое дело, что война не могла не потрясти денежную систему. Однако и по этому поводу никто не собирался впадать в уныние. 2 августа 1914 года газета “Утро России” писала:

“Война стала фактом и не замедлила отразиться на состоянии нашего денежного рынка. Мы вправе с гордостью сказать, что благодаря предусмотрительной политике нашего финансового ведомства и банков краткосрочного кредита война не застала нас врасплох, и мы находимся в лучшем состоянии сравнительно с нашими противниками. (...)

Надвигавшиеся с быстротой курьерского поезда события не замедлили отразиться на психологии денежной публики, которая устремилась в банки и с лихорадочной поспешностью начала снимать со своих счетов свободные принадлежавшие ей суммы. Таким массовым востребованием вкладов банки должны были быть поставлены в весьма затруднительное положение, если бы им на помощь не пришел Государственный банк, открыв банкам колоссальные кредиты. Заявление Государственного банка об открытии банкам кредита, а также беспрепятственная выдача вкладов с текущих счетов подействовала отрезвляющим образом на публику, так что в конце концов уже на прошлой неделе можно было наблюдать обратное возвращение вкладов. Одновременно с востребованием вкладов у публики появилась, если можно так выразиться, золотая горячка, проявляющаяся в том, что легкомысленная и легковверная часть публики устремилась в кассы Государственного банка для обмена бумажных денег на золото; но уже 25 июля законом, введенным в порядке 87 статьи, был прекращен обмен государственных кредитных билетов на золотую монету. (...)

Мы должны отметить, что благодаря полезным и своевременным мероприятиям Государственного банка наш денежный рынок, а также нормальная жизнь кредитных учреждений, нарушившаяся несколькими последними событиями, начинает приходить в прежний порядок”.

Кроме оптимистического настроения автора публикации обратим внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, отмена “золотого” рубля. В свое время введение золота в качестве обеспечения рубля сделало его одной из самых устойчивых валют мира. Теперь этому пришел конец. Во-вторых, поступление на рынок огромной массы бумажных денег. Не надо быть маститым экономистом, чтобы понять: механизм инфляции запущен. Вряд ли огородники, торговавшие на Смоленском рынке, читали Адама Смита вкупе с трудами Карла Маркса и Туган-Барановского, но они наверняка помнили, как во время русско-японской войны стремительно дешевели деньги. Поэтому нет ничего удивительного, что цены поползли вверх.

Бороться с инфляцией правительство решило административными мерами. Местные власти получили право устанавливать фиксированные цены (“таксу”) на продукты и товары первой необходимости. В Москве каждую неделю стали выходить особые справочные ведомости “с предельными расценками”, утвержденными градоначальником.

И всё-таки с начала сентября 1914 года тема непрерывного роста цен начинает главенствовать в разговорах москвичей. В газетах первая заметка под названием “Вздорожание продуктов” была опубликована 5 сентября в “Утре России”. Она была посвящена ценам на куриные яйца. В начале войны из-за прекращения вывоза в Германию стоимость десятка яиц упала до 16 коп., но 2 сентября их уже продавали по 24 коп. за десяток. При этом публику уверяли, что рост цен связан с началом экспорта продовольствия в Англию. А вот покупатели были убеждены, что все дело в сговоре торговцев.

Полтора месяца спустя предметом обсуждений стало подорожание мяса. В розничной продаже вместо 21 коп. за фунт пришлось платить 22. Это произошло из-за сокращения поставок скота: вместо обычной нормы в 6—7 тысяч голов в Москву стало поступать в среднем 2500.

18 ноября 1914 года на заседании Московской городской думы обсуждалось обращение Московского биржевого комитета пищевых продуктов и винной биржи. В нем содержался призыв принять меры к обеспечению населения Москвы коровьим маслом, с поставками которого начались перебои. Биржевики сообщали, что Вологодский район, снабжавший Москву маслом, поражен неурожаем кормов, а в Сибири, где из-за прекращения экспорта масло имеется в изобилии, оно подвергнуто реквизиции*. И, несмотря на повышение цен, скоро масла в Москве в розничной продаже не будет. Даже столпы молочной торговли, крупнейшие московские фирмы — Бландовых и Чичкина, вынуждены “отказывать покупателям в отпуске коровьего масла”.

Интерес представляет само обсуждение грядущего “масляного голода”, превратившееся в почти неприкрытую критику царского правительства. Так, гласный П. И. Булатов заявил, что много масла вывозится в Швецию, а оттуда — “неизвестно куда, но Дума знает куда”. Для аудиторией намек вполне понятен: “туда” — значит, в Германию. Н. И. Астров указал на странные противоречия: масло находится под реквизицией, но при этом вывозится за границу. И зачем на масло установлена реквизиция, если оно не входит в солдатский рацион и в армию его не поставляют? Н. В. Щенков обратил внимание на то обстоятельство, что от реквизиций освобождено масло, закупленное некоторыми иностранными экспортными фирмами.

Городская дума единогласно постановила обратиться к правительству с предложением о прекращении экспорта и освобождении от реквизиции масла, предназначенного для снабжения населения.

В “Утре России” отмечалась наблюдающаяся за последнее время дороговизна таких продуктов, как мясо, молоко, масло и рыба.

“Повышение цен, однако, не ограничивается этими продуктами и захватило почти все предметы потребления. Причины вздорожания различны по отношению к тому или иному продукту. Так, например, повышение цен на рожь и пшеницу объясняется недостатком их подвоза в Москву. В Сызрани, в Моршанске, в Саратове и других местах лежат большие залежи хлебных грузов, которые не могут быть подвезены в Москву из-за недостатка подвижного состава и перегруженности Сызрано-Вяземской ж. д. Вчера московская хлебная биржа обратилась к порайонному комитету с ходатайством о срочном наряде вагонов под хлебные грузы, но что из этого будет, пока неизвестно.

Значительное повышение цен за последние дни последовало на яичный товар — около 4 р. на 1000 штук на все сорта. Это повышение находится в связи с усилившимся экспортом яиц через Швецию в Англию, куда в настоящее время двинуты крупные партии. Недостаток подвоза яиц в Москву также объясняется расстройством железнодорожного движения.

Сильно вздорожали все бакалейные и колониальные товары, особенно те из них, которые идут из-за границы. За последнюю неделю цены на такие продукты, как кофе, какао, сардины, перец и пр., вскочили на 30—40%. Очень подорожал рис — на 2—3 р. в пуде.

Апельсинов и лимонов нет совсем в продаже; остатки лимонов продаются по 45—50 р. за ящик в 300 штук в оптовой цене. Мандарины также на исходе и продаются только десятками по 1 р. за 10 штук. Недавно в Москву попало 5 пудов персидских мандарин и их прямо “выхватывали из рук”. Некоторые из фруктовых фирм отправили своих доверенных в Японию и в Персию за апельсинами и лимонами. В Сухуми и Батуми этих товаров оказалось ничтожное количество, и все они были потреблены на местах.

С яблочным товаром цены повышаются медленно, и вчера, напр., он был не выше прошлогодних за этот период времени, но ввиду того, что выход яблок в этом году оказался чрезвычайно неустойчивым в смысле хранения, к Рождеству ожидается новое повышение и на эти товары”.

* В царской России под реквизицией подразумевались принудительный вывод какого-либо товара из свободной продажи и его закупка государством по фиксированной цене. Так, 21 сентября 1914 года было объявлено о реквизиции всего сукна защитного цвета, а также байки и другой тёплой материи. Все наличные запасы этих материй были опечатаны и запрещены к продаже.

Итак, осенью 1914 года в быт москвичей прочно входят такие понятия, как “вздорожание” и “такса”. Попытки торговцев удержать прежнюю норму прибыли путем повышения цен пресекаются административными мерами. Стоило полиции зафиксировать в протоколе факт продажи “таксированных” продуктов по более высокой цене, как сразу следовало довольно суровое наказание. Первым, кто испытал это на себе, был некий Павел Галкин. За продажу на Конной площади огурцов по завышенной цене градоначальник приговорил его к месяцу ареста.

В остальном московская торговля сохраняла свой оживленный характер, а на некоторые товары война неимоверно усилила спрос.

В магазине стальных и хозяйственных вещей придворного поставщика Брабеца (Петровка, 7) уезжающих на фронт могли не только снабдить необходимыми дорожными вещами, но и наточить им шашки.

Желающие могли приобрести панцирь “Фортуна” (125 руб.), панцирный набрюшник (40 руб.) и такую же фуражку (30 руб.). Реклама уверяла, что эти предметы военного быта обладали массой достоинств: “Абсолютно непробиваемые шрапнельными, разрывными, револьверными пулями, осколками снарядов, штыком, шашкой, холодным оружием. Непробиваем остроконечной пулей на 500 и более шагов. Панцирь “Фортуна” имеет форму жилета, составлен из двойного ряда особого сплава овальных пластин, изолированных веществом, не пропускающим тепла, мельчайших осколков. Предохранён от ржавчины”.

Заботясь о фронтовиках, фирма Коркунова разработала особый продукт — напиток быстрого приготовления. Участвовавший в его создании известный московский врач профессор В. Ф. Снегирёв рассказывал о пользе новинки:

“Фирма Коркунова изготовила сбитень в форме небольших сухих плиток, рассчитанных так, что каждая плитка, брошенная в стакан горячей воды, даёт стакан готового ароматического сбитня. Стоимость каждой плитки — 1 1/3 коп. Каждый солдат, получив портативный маленький пакет с 15-ю плитками, обеспечен на неделю тёплым полезным напитком”.

Реалии военного времени повлияли на характер рекламы. Например, на рекламном рисунке бутылку “Боржома” поместили на пушечный лафет и снабдили надписью: “Испытанное орудие для борьбы с катаром желудка”. Откликаясь на введение “сухого закона”, фирма Шустова пропагандировала “современную новинку”, вишнёвую наливку — “Шпанку Шустова без алкоголя”. А в 1915 году та же фирма рекламировала и вовсе абсурдный напиток — безалкогольный вариант своей знаменитой настойки “Нежинская рябина”. Намёком на печальные обстоятельства, связанные с войной, звучит такое объявление: “Теперь не время тратить много на наряды, а купить недорого и практично можно только у фабриканта А. Н. Иванова. Москва, Тверская, Тверской пассаж.”

Р. С. Особенное внимание на чёрные и серые материи”.

Действительно, поводов для улыбок становилось всё меньше и меньше. В августе 1915 года вдруг разразилась так называемая “монетная неурядица”. Словно в одночасье обезумев, горожане вдруг бросились менять бумажные деньги на серебро и медь. Прекратить ажиотаж не смогли ни заявление представителя Госбанка, что нет причин для паники, ни приказ градоначальника о размене денег в полицейских участках, ни доставка большой партии монет из Петрограда. В магазинах и лавках, в трамваях скандалы не утихали: обыватели расплачивались только ассигнациями и требовали на сдачу монеты. Дело кончилось тем, что в банках ввели норму размена — 5 рублей на человека, а градоначальник подписал новое обязательное постановление, запрещавшее скупку разменной монеты. Тем не менее возникший дефицит металлических денег заставил правительство пойти на выпуск специальных марок, выполнявших роль мелкой монеты.

Какая-то часть серебряных и медных денег, превращенных москвичами в сокровища, вдруг вернулась в оборот весной 1916 года, перед Пасхой. По этому поводу газета “Время” писала: “В предпраздничные дни в небольших лавках на Сухаревской, Таганке и отчасти в Охотном ряду сдачу стали давать серебряной монетой. Низшие классы прятали серебро и медь “до конца войны”. Дороговизна и естественная потребность в деньгах заставила достать деньги из кубышек”.

В предпасхальные дни 1916 года многие из москвичей испытали самый настоящий шок: для них возникла вполне реальная перспектива встретить Светлое Христово Воскресение без куличей, пасхи, яиц. Вот что сообщала газета “Время” во второй половине марта:

“В Москве в последние дни наблюдается яичный кризис. В молочных и специальных яичных лавках вовсе не отпускают яиц. В особенности это заметно в частях, далеко отстоящих от центра. В кругах, близко стоящих к яичному делу, указывают, что отсутствие яиц является очередным предпринятием маневром (...)

Одновременно с яичным, мясным, молочным, масляным “голодами” ожидается сахарный голод. Как уже сообщалось, в ближайшем времени ожидается реквизиция сахара. Это обстоятельство послужило основанием к прекращению выписки сахара московскими складами. Цифра вагонов с сахаром, подвозимых в Москву, главным образом из киевского района, уменьшилась в сутки с 135—140 вагонов до 25-ти. Но и это последнее количество вагонов идет на заполнение старых заказов”.

Тогда же москвичи стали получать от булочников отказы на изготовление куличей. Владельцы пекарен ссылались на недостаток пшеничной муки, дороговизну, отсутствие масла и т. д. А те, кто хотел бы испечь куличи дома, зря искали в продаже крупчатую муку. Ее не было, как у оптовых торговцев в Гавриковом пер., так и у оптово-розничных городских торговцев, в магазинах, в колониальных и городских потребительских лавках. Только люди состоятельные могли заказывать куличи и пасхи в кондитерских заведениях — по “вольным” ценам.

Подводя итог прожитого московскими обывателями 1916 года, обозреватель газеты “Раннее утро” отмечал:

“...Как-никак, а 1916 год мы встретили на более отрадном фоне обывательской жизни, чем 1917.

Вступая в 1916 год, мы еще не имели понятия о “хвостах” и даже совсем не “предчувствовали”. Была дороговизна, но не было “хвостов”. Обыватель приходил в лавку, в булочную, в молочную и получал, что ему требовалось.

К весне стали замечаться рост цен на продукты и первое появление “хвостов”.

Сначала они были “умеренных размеров”, но по мере приближения к осени они стали расти и расти. “Хвосты” получили наименования. Были хвосты “мясные”, “молочные”, “хлебные”, “яичные”, а к концу года даже “денатуратные”.

Обыватели впряглись в “хвостовую повинность”; получение предметов первой необходимости превратилось в сплошную муку. Стояние в “хвостах” повело к увеличению простудных заболеваний, а в декабре был даже зарегистрирован случай смерти при стоянии в “хвосте”. И в новый год мы вступаем при наличности “хвостов”.

10 января “Раннее утро” опубликовало такую “зарисовку с натуры”:

“Отсутствие хлеба, давшее себя чувствовать уже несколько дней, вчера приняло острую форму. Только утром часть публики была удовлетворена белым хлебом. Черного было очень мало. Но часов с 10—11 обыватели, протянувшиеся бесконечными хвостами, уныло ждали своей очереди, почти не надеясь добыть дневную порцию.

Напряженное настроение разряжалось эксцессами.

К вечеру в булочных, кафе, чайных трактирах и т. д. было чисто: хлеба ни куска.

На все сетования и вопросы волнующегося обывателя булочники хладнокровно бросали:

— Мы при чем? Нет муки. В субботу еще не то будет”.

Очевидец событий 1917 года П. А. Воробьев вспоминал пережитое: “Очереди за хлебом стояли круглые сутки, и не каждый день в булочной продавался хлеб. Я сам видел, как человек умер в очереди, люди оттащили его в сторону, не уделив ему и десяти минут времени, и снова уткнулись в спины друг другу — дома ждали голодные дети. Случаи голодной смерти уже никого не удивляли.

Однажды стоявшим впереди стало известно, что в булочной нет хлеба. Обманутая толпа стала страшной... Она ворвалась с магазин и, не найдя ни-

кого, с кем бы расправиться, побила стекла, изломала торговые прилавки. Таких погромов было немало”.

Впрочем, как это бывает в жизни, были моменты повеселее. Один из репортеров описал увиденную на Сретенке сценку: чтобы согреться, люди из очереди плясали под звуки губной гармошки, на которой играла одна из женщин.

В городских хрониках была отмечена новая черта в поведении москвичей. Позавтракав или отобедав, посетители ресторанов просили официантов завернуть оставшийся хлеб в бумагу и уносили его с собой. Рассказывали о компании, уплатившей по счету более 100 руб., но разыгравшей хлеб между собой. Счастливицей оказалась дама, которая без всякого смущения убрала в ридикюль доставшийся ей “приз”. “Впрочем, — сообщали газеты, — теперь хлеб дают в обрез”.

“Зато большое удовлетворение в массе вызвало распоряжение, запрещающее выпечку пирожных, тортов, печений и т. п. сластей, — отмечал корреспондент “Раннего утра”. — Вчера это распоряжение вошло в силу.

Толпа в массе торжествовала по случаю такой отмены. Хлебные хвосты, злорадствуя, острили:

— Откушались.

— Да-а. К чайку не будет. Кофеек-то без пирожного горьким покажется”.

В конце января торговцы объявили о грядущем в марте чайном кризисе. На складах запасы чая подходили к концу, а нового подвоза из Владивостока не предвиделось.

“Хлебный” кризис, разразившийся в начале 1917 года, имел целый ряд причин. С одной стороны, ситуацию определяли объективные условия: необычайно снежные метели нарушили работу и без того перегруженных железных дорог. Эшелоны с мукой просто-напросто застряли на пути к Москве. С другой стороны, роковую роль сыграли субъективные факторы: страсть к наживе владельцев московских булочных и пекарен, недостаточные усилия властей в борьбе со спекуляцией.

Газеты сообщали, что продажа муки “на сторону” превратилась в повсеместное явление. Пока москвичи тщетно ожидали хлеба у дверей булочных, муку мешками продавали с черного хода по спекулятивным ценам. По оценкам журналистов, прибыльность таких операций составляла 500—600%, в то время как прибыль, заложенная в цену хлеба “по таксе”, составляла всего 10%. Понятно, что владельцу пекарни было выгоднее сразу продать мешок муки за 75—100 руб., чем возиться с выпечкой, расходуя деньги на топливо и оплату труда рабочих.

Неудивительно, что при повсеместном распространении спекуляции мукой власти оказались практически бессильны побороть это зло. Перед градоначальником встала неразрешимая дилемма: наказать всех булочников по строгости закона — Москва совсем останется без хлеба, продолжать бездействовать — вызывать обострение ситуации.

Изыскивая новые резервы, градоначальник постановил: с 5 февраля упразднить вслед за пирожными сдобный хлеб, сухари и баранки. Разрешены были к продаже только французские булки, ситный и ржаной хлеб. Под запретом оказались и все виды “хитрого” хлеба — слега посыпанный тмином или маком, он приобретал статус нового продукта, разрешенного для торговли по свободной цене. Например, “яблочный” хлеб, появившийся в дни кризиса на прилавках булочных, стоил немислимые деньги — 90 коп. за фунт.

Запрет на сдобу, как неожиданно выяснилось, не только ударил по интересам булочников, но и обернулся бедой для многочисленной армии мелких служащих. Они лишились привычного дешевого завтрака, который состоял из чашки кофе (30 коп.) и бриоши или пирожка с мясом (15 коп.).

Но сильнее всего продовольственный кризис ударил по той многочисленной массе москвичей, которая на протяжении военных лет едва сводила концы с концами. А вот “достаточные” классы еще имели запас прочности. Так, фабрикант Н. А. Варенцов вспоминал, что даже в начале 1918 года его семья не испытывала ни малейших лишений:

“Отсутствия продовольствия и повышения цен я еще серьезно не чувствовал, так мое именьице снабжало молочными продуктами, яйцами, птицей,

окороками ветчины и соленым мясом; крупа, мука, сахар, кофе, чай, мыло менялось на мануфактуру, производимую фабрикой, где я работал”.

Некоторое представление о меновой системе, действовавшей среди зажиточных москвичей, дает фельетон журналиста “Эля”:

— Марья Степановна!

— Здравствуйте, душечка!

— Глазам своим не верю. Вы — и в театре?

— Вырвалась.

— Одна?

— Нескромный вопрос.

— Pardon! Я хотела спросить: сам-то с вами?

— Слава Богу, нет. Отправился в дальнее плавание. За кожами. Где-то, вишь, кожи объявились.

— Как я рада за вас! Ну, как живете?

— Какая нынче жизнь! Сами знаете. Ничего нигде не достанешь... Сплошное мучение...

— Да, да... кстати, душечка, выручите. Нигде не могу достать туфель приличных. Нельзя ли по знакомству у вас в магазине раздобыть?

— В магазине ничего нет. Приезжайте ко мне... как-нибудь обуюм...

— Очень, очень обяжете... Я в долгу не останусь. Знаете, мне на днях кузен из Ржева гречневой крупы пять пудов прислал...

— Гречневой! Милочка, родная, какая вы счастливица! Если бы вы мне хоть полпудика уступили...

— Ну, конечно, уступлю... Вы меня обуете, я вас гречневой кашей досыта накормлю.

— Вот хорошо. А я вам в премию сахарку могу предложить...

— Сахарку! Да это ведь восторг что такое!.. на карточке сидя, не засахарисься...

— И какой сахар-то! Этот — карточный меня просто из себя выводит... Не сахар, а булыжники, которыми мостовые мостят. Тот — пластинками, одна в одну...

— Ах, какая прелесть!.. Очень, очень благодарна вам, Марья Степановна!

— Валя с фронта прислал. У них там всего вдосталь...

— Не знаю, как вас и благодарить... Впрочем, что ж я!.. Ах, какая глупая... Хотите полпудика масла по рублю?

— Еще бы не хочу! Где же это вы умудрились?

— Железнодорожник один знакомый с сибирским экспрессом полтора пуда мне презентовал... Уж мы вот сколько времени жарим и печем... Замечательное масло...

— Возьму, обязательно возьму... А уж я, так и быть, уступлю вам сотню яиц... Да какие яйца... киевские! Иван Никитич на днях в Киеве был, там какую-то спекуляцию сделал, ну и прихватил с собой три ящика яиц(...)

На сцене в это время изображались переживания населения, засевшего в осажденной крепости. Размалёванные статисты из-за картонных стен протягивали исхудалые руки и жалобно вопили.

Мария Степановна скорбно взглянула на Нину Петровну.

А Нина Петровна, откликаясь на этот взгляд, со вздохом молвила:

— Всё равно как мы с вами, несчастенькие...”

Этот фельетон был опубликован 23 февраля 1917 года. В тот день в Петрограде началась Февральская революция.

(Окончание следует)